

зочная тема позволяла касаться многого, о чем небезопасно было сказать в каком-либо другом литературном жанре.

Перевод как средство сатиры и до В. Г. Вороблевского имел широкое распространение в русской литературе, и крепостной писатель использовал его, проводя все ту же линию борьбы с феодальными устоями. Выбрав эту книгу для перевода, Вороблевский сделал шаг вперед в своем стремлении сатирически осмеять нравы правящей верхушки. Если роман «Жизнь Лазаря Тормского» высмеивал духовенство и дворянство, а «Повести Вильгельма» — мир буржуа, то здесь острие сатиры направлено было против царицы и ее окружения. Ни один из предшествовавших «Анголе» переводов не имел такого ясного и прямого приложения к русской действительности. В облике волшебницы Светозары современники могли увидеть черты, близко напоминающие Екатерину II. И эту работу Вороблевский адресовал кругу «третьесословного» читателя, что проявилось не только в живом разговорном языке, но и в многочисленных примечаниях и пояснениях, которые дал от себя переводчик. Так, например, он находит нужным пояснить, что «колибри» — «самая маленькая птичка» (ч. I, стр. 12); «увертюра» — «музыка, играемая прежде оперы»; «инкогнито» — «под чужим именем, чтоб не узнали» (ч. I, стр. 63); «режим» — «правило как жить, пить и есть» (ч. I, стр. 78) и т. п.

Значительное место в творчестве В. Г. Вороблевского занимали его переводы драматических произведений.

В 1750-х—начале 1760-х годов русская драматургия состояла из шести трагедий и четырех комедий Сумарокова, двух трагедий Ломоносова и одной Тредиаковского. Перед деятелями театра и литературы со всей остротой стояла задача создания русского национального репертуара. Естественно, что она не могла быть решена в короткий срок. Большую роль в расширении репертуара сыграли переводчики — А. А. Волков, А. Л. Дубровский, И. И. Кропотов и др., — которые занялись переводом с французского языка пьес, главным образом после-мольеровского «развлекательного направления» (пьесы Леграна, Детуша, Реньяра, Мариво и др.). Несколько позднее возникла тенденция приспособлять переводимые пьесы к требованиям русской жизни. В числе переводчиков-«прелагателей» был и В. Г. Вороблевский.

Большая часть переведенных им пьес была объединена в сборнике «Лирические переводы» (1779). На эту книгу В. Г. Вороблевского обратил внимание и Н. М. Карамзин. С. Д. Шереметев, описывая свои встречи с Карамзиным, вспоминал: «Случайно увидел он у меня книгу прошлого столетия: